

ружено стремление к полному обезличению центральной власти. Движение это, формально потерпевшее поражение, фактически, однако, закончилось скорее победой этих тенденций: рокошане, побежденные в открытом бою, ограничились лишь пустой просьбой о помиловании; на самом же деле, проводимые ими принципы после этого все сильнее стали входить в жизнь государства, приводя его постепенно в состояние анархии. Неудивительно, что и литература памфлетов и сатир этого времени носит на себе черты, которые мы встречаем полтора века спустя в выступлениях барских конфедератов. Та же социальная среда должна была выделить из себя сходную идеологическую продукцию. Главное различие, однако, заключалось в том, что в начале XVII в. класс этот был почти на вершине своего развития, и потому он мог проявить себя гораздо более обширно и выдержать даже конкуренцию с соответствующими выступлениями на Западе. Слишком живы еще были традиции расцвета культуры возрождения, получившей такое блестящее развитие и на польской почве; классицизм продолжал еще быть живой, полной глубокого смысла традицией, хотя понемногу начиналась уже порча вкуса, входил в моду так наз. стиль «барокко». Но эта порча в значительной степени искупалась обильным привлечением «новых» людей в литературу. В пылу политической борьбы шляхта охотно готова была пользоваться услугами этих «новых» людей — представителей мелкой городской буржуазии, различных «бакалавров» и даже просто недоучившихся школьников. Вот почему, как отмечалось исследователями, — в XVII в. было больше всего авторов; из них очень многие совсем не заботились об авторской известности, ничего не печатали, так что мы узнаем о них по разным, по большей части в рукописной копии сохранившимся литературным произведениям.

Интересующая нас здесь отрасль лирики начала XVII в. отчасти продолжала традиции настоящего классицизма. Так Мясковский в ряде своих стихотворений продолжает умело пользоваться мифологическими уподоблениями, подобно тому как это уже до него делал, напр., Кохановский. Но наряду с этим выступает течение, свойственное уже преимущественно гуманистической эпохе: споры во время расцвета реформационного движения и острая политическая борьба вызвали к жизни в литературе своеобразный вид платоновского диалога. Это еще не драма в настоящем смысле этого слова: для создания ее у авторов того времени не было ни сил, ни достаточной подготовки, так что даже опыт самого Кохановского оказался не вполне удачным и во всяком случае не нашел себе продолжателей, — это был механически лишь связанный диалог, основанный на обмене мыслями между политическими